

A black and white photograph of a rugged coastline. In the foreground, a steep, light-colored rock face slopes down towards the water. In the middle ground, the sea is dark with white foam from breaking waves. A prominent, tall, jagged rock stack stands isolated in the water. The sky is dark and overcast.

Сергей Охтинский

**Ласточкино
гнездо**

Сергей Охтинский

Ласточкино гнездо

<https://litres.ru/74593892>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о том, как два лётчика, выполняя секретное задание над Крымом, проходят путь от утреннего соловья до знойного Сиваша. От Ласточкиного гнезда до горящего угольного склада. От красоты, которая захватывает дух, до абсурда, который заставляет смеяться. Повесть, написанная с любовью к авиации, тонким юмором и настоящей человеческой теплотой, покажет вам Крым таким, каким его не увидишь с туристического автобуса. Здесь есть всё: адреналин, опасность, дружба, ирония и неожиданная развязка, которая превращает серьёзное приключение в забавную легенду. Для тех, кто скучает по небу и верит, что даже в самой сложной ситуации можно найти повод для улыбки.

Сергей Охтинский

Ласточкино гнездо

Глава 1

Знаете, есть у летчиков одна негласная примета: если на предварительном инструктаже кто-то ляпнет фразу «ну, всё, штатное задание», — жди беды. Формально задача есть задача, но в авиации, как в хорошем детективе, «спокойно» означает только одно — ты чего-то не досмотрел. И вот, сидя в прохладном полумраке класса предполетной подготовки, я смотрел на карту, разложенную передо мной, и чувствовал, как где-то под ложечкой начинает зарождаться тот самый предательский холодок. Называется он по-разному: у кого-то — интуиция, у меня — старый язвенный гастрит, вылеченный еще в училище, но чуйка — она и есть чуйка.

Мы готовились к вылету в Крым. И, боже мой, если вы никогда не видели Крым с высоты птичьего полета, особенно на рассвете, когда солнце только-только начинает золотить гребни волн, вы многое потеряли. Для нас, пилотов, этот полуостров — не просто точка на карте. Это эталон контрастов, наглядное пособие по географии и аттракцион для вестибулярного аппарата одновременно.

Представьте себе: стартуешь ты, скажем, с аэродрома в

Запорожье. Внизу — бескрайнее желто-зеленое одеяло полей, скучное, как трехдневный отчет о летной работе. Монотонность такая, что даже автопилот начинает задумчиво помаргивать лампочками. Но как только пересекаешь условную границу, переваливаешь за Перекоп, — мир переворачивается. Начинается тот самый миг, когда понимаешь, почему Остап Бендер, будучи человеком сугубо сухопутным, так рвался в Крым. Не ради же шахмат, в самом деле. Он рвался именно сюда — к этому «блюдечку с голубой каёмочкой», куда природа, словно скупой художник, высыпала все краски из палитры и, довольная, отошла в сторону.

В классе стоял тот особенный гул, что бывает только перед большим вылетом. Гул этот не слуховой, а скорее вибрационный — от смеха, шарканья ботинок, шелеста плотной глянцевой бумаги карт и напряженного сопения. Кто-то, как я, склонялся над заветными листами, кто-то уже всюду орудовал резиновым клеем, склеивая планшеты в длинные многометровые полотнища. Это вам не погулять по бульвару: чтобы охватить весь наш маршрут от самой Турции до Керченского пролива, нужно собрать воедино листов пять-шесть топографической мелочевки. Работа эта, скажу я вам, ювелирная. Один неровный сгиб — и при ветре в сорок метров секунду карта может сложиться в гармошку или, того хуже, оторваться и улететь в форточку. Видели мы такие «самолетики» из карт.

— Мужики, — пробасил Шмель (мы его так прозвали за

характерный гнусавый голос, хотя под кабиной он был тише воды), — кто знает, есть ли там сейчас сезон медуз? Я в прошлом году в Алуште ногу обжег, до сих пор вспоминаю с умилением.

— Ты лучше вспомни, как мы над Феодосией проходили, — хмыкнул его напарник Сыч, мужчина с лысиной, заставившей его шлем сидеть криво. — Там же облака такие, что подумаешь — Европа кончилась, начинаются острова сокровищ. А по факту — курортники в трусах загорают и на тебя кулаками грозят, что дымом испортил им пленочный фотоаппарат «Зенит».

Пока ребята обменивались байками, мы скрупулёзно, как заправские бухгалтеры перед налоговой проверкой, высчитывали курсы, расход топлива, контрольные точки и, самое страшное, — ветер. Ветром в нашей работе можно либо любоваться, глядя на облака, либо бешено ненавидеть, пересчитывая остатки керосина в баках. Сегодня задача стояла особенная: «творческая» и «интересная», как любил выражаться наш начальник штаба. Мы должны были проверить боевую готовность войск ПВО полуострова. Это означало, что мы идем не как «свои», а как «чужие». Со стороны Турции. Имитация нападения, мать её.

Обычный полет — это предсказуемый экспресс. Взлет, набор, эшелон, разговор с диспетчером, снижение. Скука смертная. А это — «Ласточкино гнездо» для сумасшедших. Предельно малая высота — это когда высотомер показывает

цифры, близкие к нулю, и ты видишь не просто линию горизонта, а цветочки на клумбах чьей-то дачи. Когда пролетаешь над лесом, кажется, что еще чуть-чуть, и пропеллер скосит макушки сосен, словно газонокосилка траву.

И самое пикантное — работа с отключенными средствами госопознавания. В эфире мы — «невидимки». Слышим всех, а нас — никто. «Свой-чужой» молчит. Ощущение, честно говоря, странное. Как будто вы идете ночью по темной улице, сняв с себя всю одежду, и кричите: «А ну, попробуйте меня узнать!». Безрассудно и глупо, но адреналин бьет в голову с такой силой, что хочется еще.

Помню, как в первый раз нас возили на экскурсию к ракетчикам. Мы тогда были молодыми и зелеными, как яблоки в саду. Сидим в бункере, смотрим на их локаторы, а они нам показывают на экране точку. Точка движется. И говорят: «Вот, это теплоход «Грузия», идет в Одессу, вон, слева — рыболовный сейнер, а справа — это ваша пара, которая должна была пройти незаметно десять минут назад. Видите? У вас еще истребители на форсаже хвосты подпаливают, как спички. Вы у нас, ребята, как на ладони».

После того визита отношение к «играм в жмурки» у меня кардинально изменилось. Стало казаться, что даже когда я вырубаю транспондер и прижимаю машину к самой воде, на командном пункте какой-нибудь капитан с чашкой остывшего кофе уже наводит на меня ракету, с интересом поглядывая на секундомер. И нет у меня гарантии, что кто-то там, в

штабе, не забыл отменить учения или не перепутал кабинет, и вместо учебного сигнала не махнет рукой боевому расчету.

Расчеты были сделаны, карты склеены и испещрены карандашными линиями — синими для маршрута, красными для зон поражения. Мы, наша четверка, сидели за одним столом и шумно обсуждали детали. Мы — пара. Я — ведущий, и мой напарник, капитан Морозов, по прозвищу «Заморозок» (не потому, что мерзлявый, а потому что был в Сибири и любил рассказывать, как сажал МиГи на бетон, покрытый ледяной коркой). Нам предстояло красивое пике — пройти над самой водой у Севастополя, чтобы отработать уход на южный берег. Потом мы расходились: основная группа валила на Джанкой, к степям, а мы должны были «подсветить» юг, прочесать побережье от Ялты до самой Керчи.

В голове, в предвкушении этого полета, уже рисовались картины, которые заставляли сердце биться чаще. Это непередаваемое ощущение скорости, когда на высоте двадцать-тридцать метров мир проносится мимо с такой быстротой, что каждая секунда напоминает ускоренный фильм. Когда волны набегают на берег, и ты видишь их структуру, пенные гребешки. Когда солнце отражается от белых стен «Ласточкиного гнезда» так ярко, что кабина на секунду превращается в прожектор. Когда, проходя над ялтинским пляжем, можно различить не просто «точки», а лица отдыхающих, которые либо восторженно машут тебе вслед, либо яростно тычут пальцем в небо, вспоминая все известные им

авиационные термины.

Крым с борта самолета — это как женщина с удивительной внешностью. Она может быть суровой и неприступной, когда смотришь на обрывистые скалы Ай-Петри, похожие на окаменевших великанов. Она может быть нежной и ласковой, когда внизу расстилаются золотые пляжи. И она может быть загадочной, как хозяйка Медной горы, когда над степями Джанкоя дрожит марево, превращая обычную пыль в призрачные миражи.

Часы пробили (точнее, на стене в углу что-то слабо щелкнуло, обозначая окончание рабочего дня). Муравейник затих. Гул голосов стих, сменившись усталым, но удовлетворенным ворчанием. Кто-то, позвякивая ключами от машины, уже строил планы на вечер, кто-то с надеждой заглядывал в столовую, принимаясь к запаху котлет.

Я же сложил карту в планшет, чувствуя, как пальцы слегка дрожат. Дрожь эта была не от страха. Это был ритм, предвкушение, мелодия завтрашнего рассвета. Я вышел из класса, и уже на пороге меня догнал Заморозок.

— Слышь, командир, — сказал он, поправляя ремень. — Как думаешь, в этот раз на локаторах нас хотя бы на пять секунд потеряют?

Я хмыкнул, взглянул на вечернее небо, начинающее затягиваться легкой дымкой.

— Увидим, Заморозок, — ответил я. — Главное, чтобы не на пять секунд, а навсегда. В том смысле, что если уж нас

потеряют, то пусть забудут так, чтобы не найти. А то «найти» они всегда успеют.

Заморозок засмеялся, хлопнул меня по плечу и ушел в сторону общежития. А я остался стоять на крыльце, вдыхая воздух, который пах горькой полынью, бензином и неизвестностью. Завтра был день, который обещал стать либо одним из самых красивых, либо самым нервным днем в моей жизни. И я знал, что готов заплатить эту цену за право снова увидеть то самое «блюдец с голубой каёмочкой», но с высоты птичьего полета и на грани возможностей моей машины.